

Верность юности

Юрий Олеша однажды признался, что не умеет говорить перед собранием. Но в 1934 году он за какой-нибудь месяц дважды беседовал с весьма представительными аудиториями. Одну из этих речей — на Первом Всесоюзном съезде советских писателей — можно найти во многих его сборниках. Другая не включалась в его книги ни разу. Это была речь в Одесском горсовете на встрече с партактивом города, и начиналась она именно тем признанием, о котором только что упоминалось.

Он выступал как участник недавно завершившегося Первого писательского съезда. Ему доставляло удовольствие рассказывать об этом знаменательном событии в жизни советской культуры именно в Одессе. Здесь он впервые четко и определенно сказал о том, о чем постоянно говорил все его творчество, вся его биография: «В Одессе началась моя литературная судьба. В своих литературных произведениях я часто обращаюсь к теме Одессы...».

И перед слушателями возник набросанный беглыми штрихами портрет близкой его сердцу Одессы, портрет, где есть и такие незабываемые приметы детства, как лестница в Театральном переулке, которая потом еще не раз встретится в его воспоминаниях, и общий облик любимого города, который чем-то неуловимо напоминает сказочный портовый город из «Трех толстяков»: «Воздух этого города, свет моря и листья, красота таких уголков, как Театральный переулок с его удивительной лестницей, осенний платаном, его долгое лето, его акации, его паруса, его загородные дороги, где цветы свешиваются со стен. — вся эта красочная, чудесная, близкая к выдумке атмосфера...»

Но Одесса — это не только живописный и яркий город, подаривший миру целую плеяду замечательных писателей — среди них Олеша называет Бабеля и Катаева, Кирсанова и Багрицкого, Славина и Инбер, Ильфа и Петрова. Одесса его

юности — это прежде всего Одесса революционная: «Это был двадцатый год, мы работали в агитпропе и в «Юг-росте»... На Пушкинской улице есть дом, где арка и над аркой доска, на которой высечено: «Здесь жил Пушкин»... Я помню, какие рычащие, яростные стихи для плакатов слагал Багрицкий. Конечно, мы говорили о славе. Доска с именем Пушкина сияла над нами». И обращаясь к своему, уже покойному другу, Ю. Олеша говорил: «Теперь ты понимаешь, что такое слава? Ты, кто был нищим поэтом, рожденным на Ремесленной улице, в затхлой мешанской квартире. — ты понимаешь теперь, что такое новая слава. — за гробом твоим, поставленным на грузовик, скакал эскадрон красной конницы...».

В этих словах узнаются воспоминания Ю. Олеши об Э. Багрицком, написанные несколькими месяцами раньше. Но интонация речи иная: Олеша не просто рассказывает о дорогом ему человеке, но и говорит о том, как родная Одесса, любимая литература, пролетарская революция соединялись воедино в мятежном мире их юности: «Для того, чтобы особенно чисто светилось имя Пушкина, нужны были победы Буденного и других — победы рабочего класса, победы пролетариата, который из своих бойцов выделил целый эскадрон — отдать воинские почести поэту, принимавшему участие в этих победах...».

Ю. Олеша говорил о том, что его юность освещали героические имена Хворостина и Ласточкина. Благодаря сотням и тысячам рабочих и крестьян, совершивших революцию. «Мы, поэты, которым в двадцатом году было по двадцать лет, имели такую молодость, что сравниться с нею не могла бы молодость увлекавших нас молодых людей из романов и поэм».

И снова в речи Ю. Олеши возникала тема единства целей большой, настоящей литературы и великой пролетарской революции. «Есть общность между искусством и борьбой пролетариата. Общность между Лениным и

Бетховеном. Вера в человека, в то, что человек должен быть счастливым. Вера в человеческий дух, в то, что все несчастья мира возникают от того, что мир построен на основе эксплуатации человека человеком».

За месяц до речи в Одессе Ю. Олеша говорил о том же на писательском съезде: «Мир при власти денег был фантастическим и превратным. Теперь, впервые в истории культуры, он стал реальным и справедливым». Эти высказывания Олеши были не только плодом публицистических размышлений. Незадолго до этого он закончил работу над «пьесой для кинематографа» «Строгий юноша», на последней странице которой рукой автора помечено: Одесса, май—июль, 1934 год. Сценарий, предназначенный для Киевской киностудии, был попыткой воплотить мечту Ю. Олеши о гармоничном человеке нового мира, о красоте человеческих отношений, о великодушии, щедрости, скромности, о человеческих чувствах, которые, как говорит один из его героев, избавившись от власти денег, получает свою чистоту.

Убеждение, высказанное Ю. Олешей на Первом съезде писателей, — «коммунизм есть не только экономическая, но и нравственная система», нашедшее свое воплощение в «Строгом юноше», звучит в его одесской речи.

Еще в 1932 году Ю. Олеша сказал: «Я себя считаю пролетарским писателем... Я чувствую, что я работаю для пролетариата». И теперь, после съезда, выступая в Одессе, он продолжил эту мысль, говоря о главной задаче писателей — «создании типа социалистического человека».

Прозвучавшая пятьдесят лет назад речь Ю. Олеши перед его земляками — взволнованный монолог писателя о Родине, литературе, революции. Она добавляет новые, живые штрихи к литературному и человеческому облику Ю. Олеши, писателя, навсегда сохранившего верность своей революционной юности.

Г. ОСТРОВСКИЙ.